

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ И СРАВНЕНИЯ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ВЕЩЕСТВЕННОГО КОДА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Чжоу Юеминь

Аспирант, Московский педагогический
государственный университет
641352000@mail.ru

CONCEPTUAL METAPHORS AND COMPARISONS AS A WAY TO IMPLEMENT REAL CODE IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Yuemin Zhou

Summary. The article is devoted to conceptual metaphors and comparisons that implement the real code in the Russian linguistic culture. The purpose of this article is to reveal implicit information contained in lexemes of real semantics by linguistic and cultural analysis. It is revealed that most often real metaphors and comparisons describe the inner world, reflect the psychological sphere of a person in the process of cognition of the world and have a pronounced emotional color in literary texts.

Keywords: linguocultural code, a substance conceptual metaphor and comparison, inner peace, metaphorical model.

Аннотация. Статья посвящена концептуальным метафорам и сравнениям, реализующим вещественный код в русской лингвокультуре. Цель данной статьи — выявить посредством лингвокультурного анализа неявную информацию, содержащуюся в лексемах вещественной семантики. Выявлено, что чаще всего вещественные метафоры и сравнения описывают внутренний мир, отражают психологическую сферу человека в процессе познания мира и обладают ярко выраженной эмоциональной окраской в художественных текстах.

Ключевые слова: лингвокультурный код, вещество, концептуальные метафоры и сравнения, внутренний мир, метафорические модели.

Коды лингвокультуры, которые, по определению В.В. Красных, «понимается как “сетка”, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его.» [3, С. 232], формируются в процессе опознания окружающего мира человека и отражается в языке. Они «соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека» и «эти представления “кодируют”». Коды выражаются такими языковыми средствами, как внутренняя форма слова, устойчивые выражения, метафоры. Последние выступают важнейшим средством репрезентации вещественного кода в различных стилях русского языка. При этом метафора перестает восприниматься исключительно как механизм развития новых лексических значений и средство создания образности: дисциплинами антропоцентрической парадигмы — лингвокультурологией и лингвокогнитивистикой — она рассматривается как способ отражения национального менталитета и материал для изучения особенностей познания окружающего мира. Так, метафорическая модель «человеческий характер — металл» и ее производные (физические характеристики, способности, навыки человека — металл, свойства присущие металлу) реализуется в контекстах **железный человек; железная натура; Огромное знание народного духа и железный закал характера вынес он из этой жизни с контрабанди-**

*стами... (Герцен 1862–1866) и т. д.); Но положила руку на сердце: не за одну же прекрасную душу и **золотой характер** любит мужчина женщину (Татьяна Шохина. Красота — дело поправимое (2002) // «Семейный доктор».); Я, бахвалился Андрей, что угодно почию, у меня **золотые руки** (Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998; Поэтому мы печатаем эту визитку практически без сокращений. Вот он какой, **золотой голос России** (Говорит и показывает Москва (1997) // «Столица», 1997). Как можно заметить, образными элементами метафоры могут быть не только существительные, но и прилагательные. Также метафоры такого рода могут трансформироваться в сравнения: **кого есть воля твердая, как сталь... (Александровский 1999).***

Изучение метафор и сравнений, реализующих вещественный код, весьма важно, поскольку «большая часть нашей обыденной концептуальной системы по своей природе метафорична» [4, С. 25] и метафоры структурируют наше восприятие, мышление и деятельность. Следовательно, изучение метафор этого типа позволяет понять, как носители русского языка понимают и используют значения лексем с вещественной семантикой и какую роль последние играют в концептуализации окружающей действительности. Эта информация носит

неявный характер, и потому она требует дешифровки. Для носителей языка этот процесс не является проблемой, он осуществляется ими интуитивно, инофоны же реконструируют эту информацию либо с помощью словарей, либо логическим путем. В первом случае решение проблемы осложняется слабой представленностью фоновой и потенциальной информации в словарях, во втором — недостаточным знанием русского языка. Поэтому цель данной статьи — выявить посредством лингвокультурного анализа неявную информацию, содержащуюся в лексемах вещественной семантики.

Для анализа нами были использованы языковые метафоры, зафиксированные толковыми словарями, поскольку, по словам В. А. Масловой и М. В. Пименовой, «метафора начинает функционировать как код, когда она больше не прибавляет новых сведений к уже имеющимся. Диафорические метафоры образуют систему, которая и является кодом лингвокультуры» [5, С. 32]. Их структура легко преобразуется в компаративную, и на сегодняшний день уже существует опыт описания концептуальных метафор и сравнений [7,9]. Диафорические метафоры являются базовыми в языковой картине мира, поскольку они создаются на основе архетипических представлений, закрепляя их в сознании носителей языка и впоследствии участвуя в осмыслении окружающей действительности посредством кодирования.

В Новой российской энциклопедии выбор кода определяется «условиями передачи, обработки или хранения информации и связан главным образом с наиболее эффективным использованием каналов связи, обеспечением необходимой помехоустойчивости передачи и т.п.» [6, С. 8]. В лингвокультурологии в качестве эффективных каналов связи рассматриваются те минимальные единицы плана содержания — семы, неочевидные, но интуитивно воспринимаемые носителями языка при употреблении метафор. Соответственно, базовые метафоры не создают новых значений, они хранят и передают уже имеющуюся информацию, носящую национально-специфический характер. Они объединяют слова и выражают обобщенные смыслы. Клишированность ситуаций и топологичность [1] восприятия объектов обеспечивают появление базовых метафор [10, С. 6]. В процессе постижения мира вещественные метафоры обнаруживают архетипическую природу, поскольку вещество — это первооснова мира. Вследствие длительности существования в языке они становятся стертыми, привычными и частотными, отражая при этом специфику этнокультуры и национальной картины мира. А. Н. Баранов пишет в книге «метафоры, которыми мы живем», что «метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний — когнитивной структуры 'источника' и когнитивной структуры 'цели', поэтому концептуальная метафора — «это устойчивые соответствия между областью источни-

ка и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества» [4, С. 9–11]. Так, метафоры прилагательного *каменный* строятся на основе таких неявных элементов когнитивной структуры, как 'твердый', 'тяжелый', 'холодный', 'неподвижный'. При взаимодействии с когнитивной структурой цели в контексте "*каменное сердце*" осуществляется выбор актуальной семы, которая трансформируется в компонент смысла 'равнодушие', 'бесчувствие' 'жесткость'. Контекст "*каменный вид/лицо*" актуализирует сему 'неподвижность', которая трансформируется в компонент смысла 'застывшая мина', связанный с семантикой «сокрытие эмоций». Лексема "камень" и ее иноязычные эквиваленты являются элементами вещественного кода во многих национальных ЯКМ, актуализируя при этом сходные когнитивные элементы (см. *Англ. Have a heart of stone — иметь каменное сердце, Кит. 铁石心肠 — железные и каменные сердце и кишечник*).

Дж. Лакофф и М. Джонсон относили вещественные метафоры к онтологическому типу, поскольку: «...опыт обращения с материальными объектами (в особенности с нашим собственным телом) создает основу для исключительного широкого разнообразия онтологических метафор, т.е. способов восприятия событий, деятельности, эмоций, идей и т.п. как материальных сущностей и веществ» [4, С. 49]. В русской языковой картине мира, по наблюдениям отечественных исследователей, когнитивной целью вещественных метафор чаще всего служат наименования феноменов внутреннего мира, который отражает психологическую деятельность человека в ходе познания мира. Базовые, стертые концептуальные метафоры этого типа выражают эмоцию, чувство, мышление, характер и т.д.

В современных исследованиях вещественный код лингвокультуры интересует ученых в качестве когнитивной структуры 'источника' концептуальных метафор и сравнений. В. А. Маслова и М. А. Пименова перечисляют наименования веществ (когнитивных источников), обладающих высокой активностью кодирования: «Чаще вещество представлено признаками **металла, жидкости, газа, кристалла, горючего, твёрдого/мягкого, растворимого вещества, смеси**» [5, С. 46].

Перечислим их наиболее частотные модели:

1. «мысль (разум) — жидкость» (ср. *мысль испарилась, улетучилась, кипит*);
2. «душа — металл» (ср. *Душа железная, стальная, свинцовая; ...она(душа) кипит, плавится, принимая свою форму на всю жизнь, тут создается ее лицо (М. Горький. Детство); перековать мою младенческую душу в душу человека, и перековала (А. И. Левитов. Моя фамилия; И душу в пламенной стихии зака-*

лив (П. А. Вяземский. Байрон); *Пошлость разъедает наши души, что ржавчина, мы уже привыкли к ней, притерпелись.* [Виктор Астафьев. *Затеси* // «Новый Мир», 1999]), «гнев- взрывчатое вещество» (ср. **Гнев взорвется, взорвал; гнев как человеческий взрыв**) и т.д.;

3. «сердце — камень» (ср. **каменное сердце, сердце из камня, сердце как камень**; *Но после пережитых страданий и обид // Твое сердце застывает, превращается в гранит.* [8]);
4. «сердце (глаза) — лед» (ср. **ледяные, холодные глаза; глаза — лед, не такой лед, понимаешь, противный, а другой лед, который заставляет вздрагивать. [Рюрик Ивнев. *У подножия Мтацминды (1960–1967)*]; **Голубые прозрачные глаза** уставились на меня с нескрываемой симпатией и надеждой. [Ю. И. Андреева. *Многоточие сборки (2009)*]; *Этот фильм никого не оставит равнодушным, даже самое холодное сердце растает от увиденного...* [коллективный. *Форум: Обсуждение фильма «Снежи любить» (2011)*]; *Прекрасная музыка, способная растопить не только ледяное сердце Кая, но и мое, уже начавшее остывать.* [Родион Нахапетов. *Влюбленный (1998)*]);**
5. «волосы (ресницы) — шелк» (ср. **волосы как шёлк, шелковистые волосы, наращивание ресниц шелком**);
6. «голос-бархат» (ср. **Тихий бархатный голос ласкал розовое ушко Галочки Кириченко. [Марина Зосимкина. *Ты проснешься. Книга первая (2015)*]; **мягкий голос; бархатный бас, тембр**).**

Легко заметить, что, несмотря на стертость таких метафор, они обладают ярко выраженной эмоциональной окраской, которая сохраняется или усиливается в том случае, если метафорические модели становятся в художественных текстах объектом креативной деятельности авторов.

Так, содержание справочника «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» [2] свидетельствует о том, что образ ткани, часто используемый в вещественных метафорах и сравнениях для характеристики чувства или душевного состояния («чувства, душевное состояние — ткань»), как и в стандартизованном языке, сопровождается положительной окраской, ср.: *В лоскутках нежности дряхлеющий фигляр* (Бенед. 1857); *Толпа удушала его овчинами своих страстей* (Бабель 1923); <...>и сердце забьется твое в темном бархате чувств (Белый 1909); *К сердцу из глубины подступало бархатно-мягкое, пьяное,*

грустное, тихое, ясное счастье (Белый 1905) и т. д. [2, С. 368–369].

Отрицательную эмоциональную окраску приобретают вещественные метафоры и сравнения с образными компонентами тематических групп «камень» и «металл»: *Каменные/ встали над яминойю — / каменное небо/ каменные дома/ и горе/ огромное и каменное* (Маяк. 1928); *во мне не было беспокойства, но тяжкая, тяжкая грусть, как свинец, давила грудь мою* (Одоевский 1837); *Любовь, как пух, взорвется вдруг: Тоска — свинец внутри сердец* (Мерзляков 1806). К ним примыкают метафоры, образованные по модели «чувство — почва»: *И, как теплую воду, ее оцущали губы и с каждым вздохом грудь наполнялась тяжелой, как мокрая глина, тоской* (Вс. Ив. 1922) и т. д. Любопытно, что индивидуально-авторские метафоры, как и стандартизованный язык, обнаруживают противопоставление неблагородных металлов благородным, наименования которых обладают положительной коннотацией: ср. *Ах, для чего же, молодое, Мое ты счастье золотое, Так быстро, быстро пронеслось!* (Козлов 1822); *В песнях матери оставленной Золотая радость есть* (Блок 1906)) [2, С. 132–140].

Описывая исчезновение положительного чувства или состояния, авторы пользуются ориентационными метафорами [4] и сравнениями, включающими образы драгоценных камней. Они выражают пространственную ориентацию по оси «верх — низ», которая используется с аксиологической целью, то есть указывает на систему ценностей данного лингвокультурного сообщества. Например: *Что такое счастье наше? Други милые, оно — Бытия в железной чаше Перл, опущенный на дно* (Бенед. 1837)); *Я счастья полновесный слиток В колодезь горный уронил* (Манд. 1925). Такие метафоры легко трансформируются в сравнения: *Счастье выпало из рук, Камнем в море утонуло* (Г. Ив. 1930); *Как лед, наше бедное счастье растает, Растает, как лед, словно камень, утонет* (Г. Ив. 1931). Здесь ориентационные выражения «опущенный на дно», «в море утонуло», «в колодезь горный уронил», сами по себе имеют значение исчезновения. Авторы ассоциируют концепт «счастье» с понятием верха (ср. «быть на седьмом небе от счастья»), что вполне соответствует теории Дж. Лакоффа: «happy is up; sad is down» [4, С. 35], при этом в художественной литературе «счастье» овеществляется в образе драгоценного камня по свойству 'достояние'. Его отвесное падение в глубину усиливает выразительность образа и служит для передачи чувства глубокого сожаления об исчезновении чего-либо ценного и бессилия от невозможности исправить ситуацию.

Таким образом, концептуальные метафоры и сравнения существуют не только в языке, но и в нашем мыш-

лении, которое отражает национальную специфику познания окружающей действительности, чем объясняется возросший интерес к ним лингвокультурологов и лингвокогнитивистов. Будучи элементом языковой картины мира, они посредством языка кодируют специфику национального мышления. Важную роль в этом процессе играют вещественные метафоры и сравне-

ния, с помощью которых в русском языке описывается внутренний мир человека. Анализ языковых примеров показал, что его элементы, использованные в метафорической и компаративной функциях, используются не только для «овеществления» процессов эмоциональной и интеллектуальной сферы, но и для их «ориентации» в пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бороздина И. С. Категоризация, концептуализация и вербализация пространственных отношений и объектов. — Курск: Курск. гос. ун-т, 2009—197 с.
2. Кожевникова, Н.А., Петрова, З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX—XX вв. / Н. А. Кожевникова, З. Ю. Петрова; отв. ред. М. Л. Гаспаров, В. П. Григорьев. — Москва: Языки русской культуры, 2000- Вып. 4, вып. 5: Камни, металлы. Ткани, изделия из тканей. — 2017. — 678 с.
3. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. М.: Гнозис, 2002. — 284 с.
4. Лакофф, Джордж. Метафоры, которыми мы живем / [перевод с английского А. Н. Баранова и А. В. Морозовой; под редакцией и с предисловием А. Н. Баранова]. — Изд. 3-е. — Москва: URSS, 2017. — 252 с.
5. Маслова, В. А. Пименова М. А. Коды лингвокультуры: учебное пособие / В. А. Маслова, М. В. Пименова. — Москва: ФЛИНТА: Наука, 2016. — 180с.
6. Новая Российская энциклопедия: В 12 т. / Редкол.: А. Д. Некипелов, В. И. Данилов-Данильян и др. — Т. 8(2). — М.: ООО «Издательство «Энциклопедия»», 2011. — 480 с.
7. Павлова А. В. Концептуальное сравнение как средство концептуализации состояний человека (на материале английского языка) [Электронный ресурс]. URL: http://cognitiveres.ralk.info/issues/_xxii/v____/kontseptualnoe_svravnenie_kak_sredstvo_kontseptualizatsii_sostoyaniy_cheloveka_na_materiale_angliysko.html (дата обращения: 11.11.2018).
8. Сердце как гранит [Электронный ресурс]. URL: <https://olubvi.club/stihi/43-serdce-kak-granit.html> (дата обращения: 29.10.2018).
9. Чигирева Е. С. Концептуальная метафора и сравнение в жанровой дифференциации профессионального дискурса // Преподаватель XXI век 2017 URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kontseptualnaya-metafora-i-sravnenie-v-zhanrovoy-differentsiatsii-professionalnogo-diskursa> (дата обращения: 11.11.2018).
10. Шестак, Л. А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса: Монография. Волгоград: Перемена, 2003. 311 с.

© Чжоу Юеминь (641352000@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский педагогический государственный университет